

О лени (1 часть)

I. Что такое лень?

Лень — отсутствие желания работать, делать что-то

Слово лень такое употребительное слово, а явление, им обозначаемое, встречается так часто и так всем известно, что, казалось бы, излишне задаваться вопросом: что такое лень? Кто же, какой младенец, этого не знает? Но на самом деле все это не так просто, как кажется.

Если спросить родителей и школьных учителей: приходилось ли им наблюдать ленивых детей в семье и ленивых учеников и учениц в школе — то громадное большинство спрашиваемых ответит, несомненно, утвердительно. Ленивых детей и юношей сколько угодно, ими хоть пруд пруди, они задерживают ход обучения в школах, изводят свою ленью учителей, раздражают родителей и вызывают подчас против себя крутые меры. Наблюдательные родители и учителя могут даже указать разновидности ленивых детей, описать их особенности, указать причины появления таких разновидностей и т. п. А вот, что пишет о лени и ленивых детях один педагог (он же, может быть, и родитель):* «Недалеко то время, когда единицы и двойки, современный бич для ленивых и нерадивых, будут изгнаны из школьного обихода. Вместе с тем исчезнут из детской среды и *лентяи*, каковых в ней на деле нет, никогда не было и не должно быть. Этот жалкий предрассудок о детской лени, которого так цепко придерживаются рутинеры и формалисты-педагоги, школьные и семейные, есть произведение столь же жалких голов, не умевших взглянуть на дело дальше его видимости и поверхности. Взрослый человек может быть ленив, но не ребенок». Вот вам и лень — «этот жалкий предрассудок столько же жалких голов». Реприманд довольно неожиданный и, нельзя сказать, чтобы особенно мягкий. Лениности нет и не было, а есть и были жалкие родительские и педагогические головы, разводившие разные рацеи о детях — лентяях по собственной глупости. Лень детей — это одна видимость, призрак, фантазия, а не настоящее явление; взглянул на нее поглубже и попристальнее — и она исчезла.

* Роков. Статья «Лень и лентяи» в «Вестнике Воспитания» 1898 г., № 6, октябрь.

Детство и юность — период величайшего развития

Что такое детские капризы?

Кого называют ленивцем? Того, кто упрямо отказывается от всякой работы?

Читатель может сказать: позвольте, мало ли какие суждения высказывают! Из этого ничего не следует относительно правильности высказываемых суждений, из этого только следует, что их можно высказывать.

Но приведенное мнение о лениности и лентяях не так безосновательно, как может казаться. Детство и юность есть время величайшего развития сил, в эти периоды проявляется неугомонная и самая разнообразная деятельность. Люди в это время не могут спокойно посидеть на месте, у них несомненный зуд деятельности, а их упрекают в лениности. Не противоречие ли это, и самое резкое и грубое, самой природе детства и юности? Организм в расцвете сил и жизни — и вдруг лень! Нет ли тут какой ошибки?

С другой стороны, не подлежит сомнению, что многие явления и в жизни взрослых, и в жизни детей имеют значение не сами по себе, а только как показатели других явлений. Например, в детской жизни часто встречается явление, известное под именем капризов. Дети нередко капризничают. Если бы кто-либо стал рассматривать детские капризы, как явления самостоятельные, существующие сами по себе, и начал бороться против них собственно, тот жестоко ошибся бы и ничего не сделал для устранения капризов. Последние не суть самостоятельные явления, они только знаки других состояний, они флаги, указывающие неблагоприятное состояние телесного и духовного организма. Бороться с флагами или знаками нечего, — бороться нужно с теми состояниями, которые обозначаются этими флагами. Лениность может иметь такой же характер, она может быть лишена всякого самостоятельного значения и служить лишь указателем на другие состояния. Тогда она и окажется одной видимостью, которая исчезнет, расплывется в воздухе при более пристальном и глубоком рассмотрении и исследовании явления.

Поэтому вопрос о том, что такое лень, — далеко не излишний. Непременно нужно выяснить и определить, что следует разуметь под словом лень, каковы характерные ее признаки, без которых она не может быть, есть ли она самостоятельное явление или только показатель других состояний. Иначе писатель будет говорить об одном, а читатель разуметь другое, каждый по своему. Итак, что такое лень?

Ленивым нередко называют человека, ничего не делающего, упрямо отказывающегося от всякой работы. В то время, когда все что-нибудь делают, ленивец предпочитает воздерживаться от всякой деятельности. Но собственно неделание само по себе, взятое в своем чистом и отвлеченном виде, не есть еще лень. Можно не делать по разным, выпол-

не уважительным, причинам, именно — по недостатку сил и по убеждению. Человек больной, особенно больной продолжительное время и серьезно, человек старый, человек вообще слабый физически—все эти лица могут не делать не по лени, а по отсутствию сил. Они и хотели бы делать, но не в состоянии. Их лентяями назвать нельзя. Точно так же можно не делать по убеждению. Можно признавать, что вообще работа есть зло, проклятие, которого всеми силами нужно избегать. Если можно достать себе необходимые средства к жизни помимо работы, то и прекрасно. Чем меньше прибегать к работе, тем лучше. Истинно человеческое, т.е. достойное человека, состояние есть свобода от работы. В обязанности работать есть нечто рабское, тяжелое, грустное, даже унижительное для человека. Если не само счастье, то существенное условие счастья есть свобода от работы. Разного рода босяки, бродяги, странники избегают всякой регулярной работы по глубокому убеждению в ее ненужности, в несоответствии подобного состояния — непрерывной до гробовой доски работы — настоящим, истинным потребностям человека и надлежащему правильному складу общежития. В поте лица твоего будешь есть хлеб твой,—это сказано согрешившему человеку и в наказание за сделанный грех. Следовательно, неделание само по себе не есть признак лени: рай большинства некультурного человечества — полное ничегонеделание, обильная еда и другие чувственные удовольствия пассивного характера.

Ленив тот, кто очень мало работает? Ленивым часто называют человека, который хотя и делает, но очень мало, очень медленно, который как будто лишь показывает вид, что делает. Про таких людей говорят, что они дела не делают и от дела не бегают. Что другой человек делает в час, то они едва делают в три-четыре часа. Работа валится у них из рук. Они на каждом шагу и во всем встречают препятствия к работе и нигде не находят благоприятных для нее и облегчающих ее обстоятельств. Одно горе с такими работниками. Но само по себе медленное делание не есть лень. Можно все делать очень медленно по следующим, совершенно уважительным и достаточным причинам: по складу природы, вялой и медлительной, и по недостатку сил для быстрой работы. Люди бывают разные: у одних темп деятельности быстрый, у других медленный. Медлители нередко бывают очень полезными и выдающимися деятелями. Ведь, есть такая порода лошадей, которых ничем невозможно заставить нестись вскачь или быстрою рысью, но которые своим медленным шагом могут передвигать весьма большие тяжести. Таковы же бывают и иные люди—медлители во всем, в частности и в

работе, которым на ту же работу нужно втрое больше времени, чем быстро делаем. С другой стороны, может быть врожденный, т.е. постоянный или временный, недостаток сил для быстрой работы. Быстрая работа требует быстрой и значительной траты энергии, предполагает весьма живой и деятельный обмен веществ в организме. А как же быстро тратить, когда сил мало и они восстанавливаются весьма медленно? Длительное болезненное состояние, короткая, но изнурительная болезнь на долгое время отнимают возможность быстрой энергичной работы. Слабость организма и старость также уважительные причины для медленности в деятельности, помимо всякой лени. Наконец, можно медленно работать по убеждению. Если признавать, что работа есть зло, то, в случае необходимости работать, лучше делать работу едва-едва, чем затрачивать на нее множество силы. Да и помимо мысли о вреде работы вообще, можно держаться простого житейского убеждения, которого держатся весьма многие, что работа не волк, в лес не убежит. Зачем же на нее особенно наваливаться? Дело поспеет сделаться, торопиться некуда и не для чего.

Неделание и медленное делание могут иметь свои причины

Неделание и медленное делание, очевидно, могут быть признаками лени не сами по себе, а в соединении с чем-то другим, именно, если есть сила для работы, и сила достаточная, и если есть убеждение в пользе работы, в ее необходимости лично для себя и для общества. При отсутствии этих условий мы будем иметь пред собою в случаях неделания и медленного делания не лень, а совершенно другие явления: болезненное состояние телесного организма, подлежащее видению врача, и, может быть, болезненное состояние душевного организма, подлежащее видению социолога (неправильный взгляд на значение работы в личной и общественной жизни). Между тем видению педагога не подлежит ни то, ни другое состояние, но именно лень.

Итак, что же такое лень? Не нужно соединять с этим словом понятие об отсутствии всякой деятельности. Жизнь есть деятельность, развитие и трата энергии; самый величайший лентяй есть неприменно в известной мере и в известном отношении деятельный человек. Между детьми и юношами попадаются лентяи, а между тем детство, отрочество и юношество такие возрасты, которые отличаются необыкновенной подвижностью и вообще склонностью к самой разнообразной деятельности. Это возрасты кипучие, жизненные, неугомонные, носители которых очень часто переходят надлежащие границы в своей деятельности, вследствие чего приходится постоянно их сдерживать

в деятельности, а не поощрять. Между тем и среди таких субъектов попадаются лентяи. Очевидно, лень не есть всецелое отсутствие деятельности, не есть и медленное делание, а что-то другое.

Лень — минимум деятельности при
максимуме удовольствия...

Лень есть наименьшая деятельность при наибольшем числе приятных состояний, минимум деятельности при максимуме удовольствия. Ленивый человек в некоторой степени философ, он скептически относится к суете и хлопотам жизни. Работа необходима, но возможно наименьшая. К чему работать излишне, более, чем необходимо? Зачем гнаться за большими средствами или увлекаться честолюбием? Если человек может съесть в день только два фунта хлеба, зачем же ему зарабатывать пять или десять? Совершенно бессмысленно. Можно ради удовольствия прогуляться, но зачем идти далеко и утомлять себя ради какого-то прекрасного вида? Удовольствие от созерцания хотя бы и прекрасного на самом деле вида не покроет неприятности от утомления. Все новейшие открытия и изобретения, направленные к ускорению темпа жизни и большей производительности труда, представляются ленивому сомнительными в своем достоинстве: к чему все это, какой от них толк? Нынешний человек побывает в двадцати странах и извлечет из этого меньше пользы и удовольствия, чем прежний путешественник, видевший всего одну нужную землю; при помощи машин современный человек производит очень много, но живет едва ли счастливее своих предков, не знавших машин и бывших гораздо более жизнерадостными, чем современные замотавшиеся люди. Современный человек «и жить торопится, и чувствовать спешит». А позвольте узнать, зачем это нужно? Чем же особенно сладка жизнь наспех? Ленивому мало понятны удовольствия от неугомонного труда, напряженной энергии, непрерывных предприятий и метаний из стороны в сторону. Удовольствие тут, может быть, и есть, но покупается оно слишком дорогой ценой. Кроме таких дорогих и беспокойных удовольствий, каковы удовольствия напряжения, борьбы, труда, есть еще удовольствия тихие, мягкие, спокойные, не требующие хлопот и усилий, удовольствия покоя, отдыха, мечты, свободы от работы, тихого созерцания природы и жизни, отсутствия всякой гоньбы и спеха. Эти-то удовольствия наиболее и ценит ленивый и старается купить их по самой дешевой цене — наименьшим трудом. Следовательно, это удовольствия пассивные, созерцательные. Наименьший труд при наибольшем числе приятных пассивных состояний — вот идеал ленивого. В этих двух чертах выражается сущность лени. Ленивый признает много истины в поговорке восточных на-

Идеал ленивого

родов, что стоять лучше, чем ходить; сидеть лучше, чем стоять; лежать лучше, чем сидеть; а спать лучше, чем лежать. Илья Ильич Обломов утверждал, что «все ищут отдыха и покоя, цель всей вашей беготни, страстей, войн, торговли и политики разве не выделка покоя, не стремление к этому идеалу утраченного рая?» Он был убежден, что каждый человек когда-нибудь должен перестать трудиться и «в почетном бездействии наслаждаться заслуженным отдыхом». Поэтому райское блаженное состояние на земле он представлял так: «встал утром... погода прекрасная, небо синее-пресинее, ни одного облачка... надел шлафрок, походил по саду... составляю букет для жены. Потом иду в ванну или в реку купаться, возвращаюсь — балкон уже открыт, жена в блузе, в легком чепчике ждет меня. «Чай готов», — говорит она. Какой поцелуй! Какой чай! Какое покойное кресло! Сажусь около стола: на нем сухари, сливки, свежее масло... Потом, надев просторный сюртук, или куртку какую-нибудь, обняв жену за талию, углубиться с нею в бесконечную темную аллею; идти тихо, задумчиво, молча... мечтать, слушать, как сердце бьется и замирает... выйти к речке, полю... Река чуть плещет, колосья волнуются от ветерка, жара... сесть в лодку, жена правит, едва поднимая весло...» и т. д.

Природы лени

Для понимания природы лени важно еще обратить внимание на одно обстоятельство. Можно ли лень отождествлять с безволием? Вот Обломов, классический у нас тип лентяя, был совершенно безвольный человек. К нему присасывался всякий, кто желал, управлял его поступками, и Обломов не мог стряхнуть с себя присосавшуюся к нему дрянь. Сам же он в своей деятельности был вполне дитя, не мог ничего сделать и все ждал помощи от своих друзей и знакомых, которые должны были делать за него его дела. С Обломова принято писать портреты ленивцев. А так как он был безвольный ленивец, то отсюда и всех ленивцев представляют безвольными, а безволие признают существенным признаком лени. Такое представление неправильно.

Безволие может соединиться с ленью и тогда получится тот образчик ленивца, который нарисован Гончаровым в Обломове. Безволие, несомненно, благоприятствует развитию лени, предрасполагая человека к недеятельности; но безволие не есть необходимый признак лени. Безвольный человек может быть деятельным: он будет подпадать постоянно под влияние других, изменять направление своей деятельности, бросаться в разные стороны, все дела начинать и ни одного не кончать, но он будет по-своему работать много, усиленно, хотя и бестолково, безрезультатно;

он будет суетиться, печаловаться о плохих результатах своей деятельности, пытаться их поправить, переделать, но снова без толку и т. д. С другой стороны, лентяй может владеть волей. Он способен к усилиям, к настойчивости, к энергичной работе, но только на короткое время, по временам, вспышками и взрывами; постоянно же и систематически работать он не желает. Работа — зло, за жизненными благами гнаться не стоит, свобода выше всего. Таковы босяки Горького. Они ленивцы, но с волей, и иногда с большой. Решительное безволие есть уже душевная болезнь и если бы оно всегда соединялось с ленью, то бороться с последней было бы очень трудно. Ленивых следовало бы тогда отдавать на попечение не педагогов, а психиатров. А так как, по уверению учащихся, школы кишат ленивцами и ленивицами, то учебные заведения нужно бы превратить в заведения для душевнобольных.

Таким образом, безволие может соединяться с ленью, а может и не соединяться, оно не есть необходимый признак лени.

II. Источники лени и средства борьбы с ней

Лень как продукт воспитания

Автор цитированной нами выше статьи «Лень и лентяи» говорит следующее об источниках лени: «леность, обломовщина есть продукт воспитания, а не органический порок; она вырастает и развивается на благоприятной, т.е. уродливой, почве нелепого отношения к детям их воспитателей, но она начинает себя выказывать не в детском возрасте, а гораздо позднее, когда человек вступает в жизнь более или менее самостоятельно и сознательно».

С этим мнением мы совершенно не согласны и признаем его вполне ошибочным. Лень не есть что-либо приобретаемое исключительно личностью за время сознательной жизни и деятельности, это не есть только дурная привычка, создаваемая обстоятельствами, или, честнее, «нелепыми отношениями к детям их воспитателей»; лень есть явление более серьезное и глубокое; основы его органически коренятся в самой природе человека, хотя самая лень есть порок не исключительно органический, но социальный, так как лень — явление сложное и источники ее многообразные.

Лень — результат пассивной стороны природы человека

Основной, главнейший источник лени кроется в пассивной стороне человеческой природы. Мы двусторонние существа: отчасти мы деятельные, отчасти пассивные. Мы являем себя деятельными существами, когда в детстве с наслаждением отдаемся шумным играм, беготне, спорам и

драке с товарищами, когда в молодости серьезно стремимся преобразовать в самое короткое время весь мир и принимаем соответственные к тому меры, когда в зрелом возрасте бросаемся в разные предприятия, участвуем во всевозможных обществах, ведем деятельную кипучую жизнь, когда не угомняемся даже и в старости, не желая быть простыми небокопителями. Мы оказываемся пассивными, когда несколько сторонимся от потока жизни, становимся созерцателями и мечтателями, когда товарищеские игры и забавы нам кажутся слишком шумными, а позднее участие в разных обществах и предприятиях слишком хлопотливым и утомительным, когда мы сами не желаем делать историю, а хотим только смотреть, как она делается, когда, словом, покой мы ставим выше деятельности. Широкое развитие этой второй стороны нашего существа, ее преобладание над стороною деятельною создает благоприятную почву для произрастания лени. Поэтому можно утверждать, что задатки лени есть в каждом человеке, и нет такого существа, которое не было бы по временам лениво. Стоит только немного ослабить обычную деятельность, предаться пассивным удовольствиям, как сейчас же мы пойдем в направлении наименьшей деятельности при наибольшем числе удовольствий (пассивных), т.е. пойдем торною дорогою к лени.

С указанной точки зрения, несомненно, следует допустить существование ленивых детей и юношей, не в виде каких-либо исключительных, ненормальных явлений, а по совершенно естественному порядку. Пассивность не есть отсутствие деятельности, а только меньшая деятельность. Играть и смотреть на игру, читать лекцию и слушать ее, заниматься серьезною умственною работою и пробегать повесть — не одинаковая деятельность; первая обозначает активное состояние, а вторая — пассивное. Кто же может сказать про себя даже в периоды детства и юности, что он всегда предпочитал быть деятелем, а не зрителем? Разве мы не видим на каждом шагу, как дети зачитываются разными интересными книжками, оставляя в стороне серьезную умственную работу, уроки, задачи, как они, вместо рассуждения и понимания, заучивают слова лишь кое-как, только приблизительно постигая их смысл, как юноши увлекаются театром, журналами и газетами, построением воздушных замков о благоденствии рода человеческого и продолжительными спорами на подобные темы, сильно запуская свои научные занятия, серьезное чтение и заботы об умственном саморазвитии? Наименьшая деятельность при наибольшем количестве удовольствий, а хотя бы и пассивных, каждому приятна; а потому каждый не прочь,

при первом же благоприятном случае наибольшую деятельность свести на наименьшую, как скоро представляется при этом возможным сохранить прежнее положение, т.е. наибольшее число удовольствий. По временам мы все бываем ленивы: дети, юноши, зрелые люди и старики; если не прямо лень, то склонность к ней есть у всех, у одних, правда, в большей мере, у других в меньшей; склонность к лени — свойство человеческой природы, а потому искушениям полениться мы подлежим все. Нет человека, которой не согрешал бы... ленью во всех возрастах.

У некоторых естественное всем искушение полениться бывает чаще и выражается сильнее вследствие их личных свойств и особенностей. Какие же свойства в строении личности, и прежде всего в ее физическом организме, могут особенно предрасполагать к развитию и укреплению лени?

Люди по самой своей природе бывают устроены неодинаково: у одних преобладает один орган, один ряд процессов, у других — другой орган и вместе с ним другой ряд процессов. Есть дети с вялой, слабой мускулатурой, с малой склонностью к движениям и напряжению и, вместе с тем, с хорошим желудком и вообще хорошей пищеварительной системой. У таких детей растительные процессы являются преобладающими, господствующими, тогда как движения, активность слабы. Это рыхлые, полные, малоподвижные и много кушающие дети. Нервная система бывает также неодинаковой: у одних замечается быстрое восприятие впечатлений, у других — медленное; у одних реакция на впечатления энергичная и продолжительная, у других — слабая и короткая. Новорожденные дети по внешности довольно похожи одно на другое, так, что при множестве детей различать их довольно трудно. Но эти по внешности одинаковые дети бывают различны по указанным свойствам нервной системы: одни кричат громче, другие тише; одни совершают больше движений, другие меньше; самые крики и движения у одних бывают продолжительнее, настойчивее, раздражительнее, чем у других. Если дитя родится с вялой и слабой мускулатурой, но с достаточно сильными органами пищеварения, если его нервная система воспринимает впечатления медленно и реагирует на них слабо и коротко, то мы и получим такого субъекта, для которого позднее, при других благоприятных к тому условиях, покой будет самым желанным благом, который легко склонит свой слух ко всяким учениям о ничегонеделании, которому неугомонная непрерывная деятельность будет казаться явным безумием.

Сильные от природы органы пищеварения будут требовать деятельности, а потому такая особенность в строении организма легко может соединиться с систематическим обкармливанием дитяти, вследствие чего дитя из человека превратится в более или менее сильный аппарат для переварки пищи. Эта черта совершенно некультурная, в наиболее высокой степени встречающаяся у дикарей. Для некоторых дикарей еда есть цель существования, забота его дня, сновидение его ночи. Обжоры обыкновенно бывают заняты перевариванием пищи и, расходуя на этот процесс значительную часть сил и значительное время, не имеют физической возможности для энергии в других направлениях.

Слабость организма по отношению к другим процессам, например, слабость органа дыхания, узкая грудь, слабый желудок, задатки болезни, подтачивающей жизнеспособность организма, вообще всякий недочет в строении тела, уменьшающий средний нормальный размер сил, понижает деятельность, превращает ее в наименьшую, а вместе с тем подготавливает лень.

Весьма важной причиной склонности к лени может служить неправильная постановка семейного и школьного воспитания.

Лень — результат семейного воспитания

Нельзя не отметить, что семейное воспитание весьма нередко бывает так поставлено, как будто родители прямо рассчитывают на подготовку в будущем ленивых субъектов. Основная задача семейного воспитания часто приводится к тому, чтобы требовать от детей наименьшей деятельности и в то же время давать им наибольшее количество приятных ощущений, т.е. прямо вводить детей во все прелести лени. При такой постановке воспитания, о которой идет речь, в семье стараются оберегать детей от всякого серьезного труда и напряжения сил, не допускают до утомления, изыскивают всевозможные средства и способы облегчить в каждой деятельности детскую работу, боятся, как бы дитя не переутомилось. Вследствие такого отношения взрослых, дитя не знает удовольствия от работы и напряжения, духовная пища дается ему слишком разжеванной, все ему разъяснено, показано, все трудности предупреждены и устранены и дитяте остается лишь одно — глотать разжеванную умственную пищу. В тоже время родители очень много заботятся о доставлении своему детищу удовольствий, конечно, главным образом пассивных: покупают книжечки с картинками, возят на разные зрелища, окружают замысловатыми и сложными игрушками и неодобрительно относятся к шумным играм с товарищами, особенно на открытом воздухе. Что там за товарищи? Чему они тебя на-

учат? Они подозрительны во многих отношениях: и манеры у них неважные, и говорят грубовато, и недостатки нравственные у них есть, да и родители занимают невысокое положение. На улице и простудиться легко. Лучше сиди дома и развлекайся игрушками, книжками, чтением. Семейное воспитание, так поставленное, имеет две главные цели: уменьшить детский труд и увеличить число приятных состояний дитяти. Если такое воспитание тела не есть прямое приучение к лени, то во всяком случае деятельность, близко приводящая к ней: облегчение детского труда, при наличии сил для него, легко может перейти в наименьшую возможную деятельность; что же касается приятных состояний, преимущественно пассивного характера, то нет сомнения, что многие дети покупают их не только слишком дешево, но и просто берут даром, благодаря щедрости родителей, без всякой платы своим трудом.

Школа может поддерживать в ученике лень

Школа нередко поддерживает расположение к лени способом совершенно противоположным к семейному — давая слишком много неинтересной, скучной работы. Школу нельзя упрекнуть, чтобы она особенно щадила детские силы и старалась всеми возможными средствами облегчать детский труд; но особенно она неповинна в том, чтобы заботилась о доставлении детям удовольствия. Школа сурова, она не мать, а мачеха. Она дает работы много; не только не минимум, но, наоборот, максимум и даже больше. В школах дети часто переутомляются; это значит, что они работают чересчур много свыше сил. Но большое количество школьной работы это еще полбеды, а то и меньше; самая главная беда состоит в том, что работа неинтересна, суха, отвлеченна, не соответствует детскому возрасту и его потребностям. Дети работают, но без всякой охоты, по принуждению. Работа их не увлекает, не доставляет удовольствия, любви к работе не создается. Напротив, нерасположение к трудной и малопонятной школьной работе переносится на работу вообще, воспитывается нелюбовь к труду, мало-помалу и незаметно укореняется убеждение, что верх блаженства — ничегонеделание, отсутствие работы. Работа — это рабство, принудительное состояние, лишение удовольствия, горе; отсутствие работы и необходимости работать — это счастье, радость, благодное состояние, свобода.

Семья приучает к лени, вкореняя любовь к пассивным удовольствиям и сводя деятельность дитяти к возможному минимуму; школа продолжает дело семьи, внушая отвращение к работе вообще слишком большой и скучной работой и лишая работу всякой прелести, причем удовольст-

вие, хотя бы в виде отдыха от работы и ничегонеделания, представляется блаженством. Пути семьи и школы разные, но приводят они к одному и тому же: будучи часто врагами, в данном случае семья и школа действуют как умные и расчетливые друзья, по одному плану.

Главное орудие против лени

Очевидно, главные орудия против лени заключаются в правильном развитии деятельной стороны человека и в ознакомлении с высшими удовольствиями, возникающими от деятельной жизни. А это собственно не трудно сделать, потому что воспитательные возрасты тем и характеризуются, что они суть время роста и формирования организма, обилия сил, требующих деятельности. Дети, отроки и юноши — это существа весьма деятельные по природе, они имеют неудержимую склонность ко всякого рода работе. Следует только поддержать эту естественную склонность, не убивать ее, так как по природе у каждого человека гораздо больше расположение к деятельному образу жизни, чем к лени. Деятельность, работа, труд заключают сами в себе награду, т.е. удовольствие, как скоро они умеренны и посильны; дети охотно работают и не боятся устать, утомиться, не боятся и напряжений. Нужно только давать детям достаточный отдых, когда они устали. Главная ошибка школы заключается не в том, что она дает детям много работы, а в том, что она не умеет соединить с работою удовольствие. Школьные дети часто совсем не понимают прелести работы, ее благотворного живительного характера, она представляется им лишь чем-то скучным, лишенным удовольствия, вынудительным, а школа простым рабочим домом. Мы никогда не привьем навыка и любви к труду, если будем отсекать от него сопутствующее ему удовольствие, если будем так заваливать работою, что об удовольствии труда не может быть и речи, если сделаем труд обременительным, непосильным, вынудительным. С удовольствием работай, в труде находи освежение и наслаждение — вот одна из высших заповедей педагогики, часто совсем не признаваемая в практике школы и семьи. Труд не есть грустная вещь, его бояться нечего. Ничегонеделание есть, напротив, состояние бессмысленное и противоестественное, человек, не занятый правильным трудом, обыкновенно скучает и не знает куда девать свое время, чем себя развлечь, к чему приложить свои силы.

Состояние бессмысленное и противоестественное, когда человек скучает и ленится

И в семье и в школе часто считаются ленивыми такие дети, которые на самом деле совсем не ленивы. Если учащийся плохо готовит заданные уроки, то из этого несомненного факта нередко выводят ложное заключение, что он ленится учиться; плохо слушает в классе, следовательно, ленится быть внимательным; туго усваивает, медленно сообража-

ет — опять, значит, ленив и т.д. Но такие поспешные, непроверенные заключения о причинах несомненных фактов часто оказываются совершенно неправильными. Ленивый к школьным занятиям ученик оказывается иногда дома деятельно занимающимся каким-либо нравящимся ему предметом, тратит на него много времени и сил. Ленивый по многим предметам оказывается совсем не ленивым по некоторым: этими немногими он занимается правильно и усердно. Бывший усердный ученик иногда после болезни, пропуска уроков по другим причинам, становится ленивцем. Во всех подобных случаях лениности собственно нет, она только кажущаяся и вызывается разными серьезными причинами: недостаточною подготовкою учащегося к усвоению известного курса, неприлаженностью курса к умственным потребностям и способностям данной личности, какими-либо специальными трудностями, возникшими при усвоении того и другого предмета в отдельности и т.п. Чтобы решить вопрос, почему учащийся ограничивается наименьшей деятельностью по известному предмету — по лениности, или по каким-либо другим уважительным причинам, для этого непременно нужно исследовать, простирается ли такая минимальная деятельность на все предметы или только на некоторые. Если окажется последнее, то учащийся может быть признаваем лентяем лишь с большою осторожностью, так как у него могут оказаться более или менее серьезные причины слабых занятий по некоторым предметам. Да и вообще не мешает помнить, что лицо, затрачивающее много сил на один какой-либо предмет, тем самым лишается возможности проявлять такую же энергию во всех других. Во всяком случае, о лениности тут нужно судить с осторожностью.

Психология лентяя

При борьбе с ленью следует обратить внимание на другое существенное обстоятельство. Ленивец стремится к удовольствиям и не работает, чтобы не уменьшить и не нарушить своих наслаждений. Но удовольствия ленивца весьма ограничены и узки, они пассивного и вместе грубо — эгоистического характера. Какие удовольствия можно доставить себе путем наименьшей деятельности? Очевидно, весьма ограниченные, низшего разбора и порядка, главным образом, покоя, отдыха, свободы от обязательного труда. Ленивец уходит в свою маленькую раковину, замыкается в ней и не желает беспокоиться ни о чём. Оставьте его в покое, он никого не трогает и его не трогайте. Его изба с краю. Весь Божий мир с его большими волнениями, радостными и печальными, куда-то скрывается, уходит в туманную даль, и остается ничтожный мирок узкой, край-

Интерес к жизни и знаниям убивает
лень

не ограниченной личной жизни, нередко с явным перевесом чисто материальных интересов. Припомните, как рисовался рай Обломову, какая жизнь казалась ему счастливой и блаженной: просторные сюртуки, крендельки и сливки, сдобные поцелуи жены, сентиментальная мечтательность, отсутствие всякой работы, энергических напряжений — вот что на первом месте. Какие же иные удовольствия могут быть при такой жизни? Ленивец отрешает себя от общей жизни, довольствуется минимальными общественными связями и отношениями, замыкается в самом себе, и, ограничивая так свою жизнь и деятельность ради покоя, теряет возможность высшего наслаждения, лишается многих, весьма ценных, удовольствий.

Серьезный и живой интерес к науке и искусству, географическая любознательность, выражающаяся склонностью к путешествиям, живое социальное сознание, вызывающее на деятельное участие в различных обществах, кружках, в общественной работе и жизни, глубокое сострадание к бедствующим и помощь им — все это несовместимо с наименьшей деятельностью человека и с теми удовольствиями, которые логически связаны с такою наименьшей деятельностью. А между тем, все указанные направления деятельности служат источниками новых и высших удовольствий, совершенно недоступных ленивому, заключенному в своей маленькой личной раковинке. Поэтому развитие высших умственных интересов и социального сознания есть существенное противоядие против лени. Достижению этой цели весьма много способствует правильная организация школы в учебном и воспитательном отношениях.

Дальнейшие, более частные меры для борьбы с ленью мы укажем в следующей главе, при обсуждении отдельных видов лени.

Каптерев П.Ф. О лени //Русская школа. — 1903. — № 3. — С. 107—120.

О лени

(2 часть)

III. Частные виды лени

Виды лени

В действительности лень выражается в нескольких частных формах, имеющих каждая свои особенности и свои причины. Таких форм можно указать три: лень движений, лень мышления и лень как общее состояние и настроение орга-

низма. Начнем с последней формы, так как первые две суть ее частные оттенки.

Общее ленивое настроение всего чаще встречается между так называемыми флегматиками и лимфатиками, т.е. между взрослыми и детьми спокойными, уравновешенными, медленными и вялыми. Впечатлительность таких людей бывает невелика: то, что других сильно возбуждает и волнует, мало действует на флегматиков, они остаются спокойными. Движения их редки, медленны, говорят они мало, никогда не горячатся. Охотно они остаются на месте, предпочитая покой движению, и мало доступны подстрекательствам новизны, честолюбия и пр. Портреты флегматиков писали часто, нередко изображали и флегматичных детей. К характерным чертам их относят обыкновенно следующие:* ко всему, что совершается вокруг них, флегматичные дети относятся равнодушно; воодушевить их или возбудить к чему-либо очень трудно. Покой — их идеал и главная потребность; других забот они почти не знают, а в особенных радостях не чувствуют нужды. Желания их вообще скромны: теплая печка, хорошая еда, долгий сон и поменьше работы — вот самое главное. Если флегматическое дитя зимой может найти себе удобное местечко около камина, а летом где-нибудь в тени сада, если оно не слишком обременено прогулками, учением и вообще работой, то оно вполне счастливо. Оно никогда не пропустит времени еды и питья. Хорошо поесть доставляет ему много удовольствия, но и за столом оно так же медленно, как и во всех прочих действиях, и тут так же, как и во всем, оно отстает от других. С своими товарищами маленький флегматик дружелюбен и терпелив. Он ничего для себя от них не требует, не надоедает им и не дает повода жаловаться на него, сам точно так же никогда не жалуясь на них. Он с удовольствием уступает им первые места в школе и находит весьма естественным, что сам он остается в последних. Честолюбие ему незнакомо, фантазия развита слабо. Любимых учебных предметов у флегматика нет, ему все предметы равны, он занимается уроками потому, что необходимо, обязательно заниматься ими, а не по любви к какому-либо из них. Чтение книг флегматику также не доставляет особого удовольствия, потому что чтение все же труд: если же что-нибудь он читает, то непременно легкое, занимательное, какие-либо истории. Заставит учительница прочитать такое дитя басню или дру-

* Например, см. Bernard Hellwig, Die vier temperamente bei Kindern. Paderborn, 1884; его же, Die vier temperamente bei Erwachsenen. Paderborn 1888; Ельницкий. Характеристики девочек. Вып. I Спб. 1883, стр. 1820, 60—65; вып. II (1887), стр. 49—51

гое что, оно берет книгу и читает без всякой интонации, не останавливаясь на знаках препинания, как будто читает на непонятном для него языке. Поправит учительница сделанную им при чтении ошибку, оно повторит, но как-то механически. От участия в шумных играх, беготне, драках флегматическое дитя воздерживается. Хотя в общих разговорах и играх с товарищами оно изредка и принимает участие, но предпочитает оставаться в каком-либо уединенном местечке спокойным зрителем того, что вокруг делается. В этом последнем положении оно любит находиться особенно в тех случаях, когда игра требует сильных физических упражнений и вообще деятельности мускулов. Участие в подобных играх потребовало бы от него деятельности, не соответствующей его склонности к покою. Толпа живых, веселых детей мало увлекает флегматика, он ни с кем особенно не сближается, держит себя как-то далеко, часто даже сторонится товарищей и во время перемен ходит или сидит один. Такую девочку подруга однажды спросила: «Отчего ты не играешь с подругами? Неужели они тебе не нравятся?» — «Нет, нравятся все», — спокойно ответила флегматичка и все же осталась в стороне от подруг. Другой подобной девочке надзирательница предложила позвать ходить с собой во время перемены которую-либо из подруг. Та подошла к девочке, похожей на нее характером, молча взяла ее под руку и повела с собой. Все перемены, когда они прогуливались, они не обменялись ни словом. Неряшливость в одежде и беспорядочность в содержании книг и тетрадей суть обычные свойства флегматичных детей, так как противоположные качества требуют деятельности.

Медленность и вялость

Медленность, вялость, большая склонность к покою и отдыху без предварительной работы и усталости, присущие флегматикам, часто соединяются с слабым здоровьем, с некоторою болезненностью организма, с скудным запасом физической энергии. Когда эти свойства бывают развиты в субъекте в значительной степени и выражены резко и определенно, тогда они дают ухудшенный флегматический тип, с деятельностью еще более пониженною, чем у флегматиков. Такой тип, называемый иногда лимфатическим, встречается в воспитательных домах, в заведениях для глухонемых, в колониях для молодых преступников, в городских кварталах, обилующих подвальными жилищами, между бродягами, мелкими воришками, среди юродивых, словом, в таких местах и классах людей, куда чаще всего попадают отбросы общества. Рост этих оскудлых большей частью малый, хотя попадаются между ними и высокие; различные части тела обыкновенно не пропор-

циональны, особенно верхние конечности бывают длинны, голова слишком велика, иногда, наоборот, слишком мала, отчасти неправильной формы; нередко позвоночный столб или ноги искривлены, грудь узка, суставы утолщены. Лицо нередко одутловатое, вследствие излишнего развития подкожной жирной клетчатки, цвет лица бледный, иногда зеленоватый, губы толстые, зубы плохие и неправильные, крылья носа утолщены или приподняты, волосы на голове рано выпадают, на коже часто золотушные сыпи или рубцы от нарывов. Выражение лица туповатое и апатичное. Кожная чувствительность понижена. Мускулы тонки и дряблы, вследствие чего движения слабы и неловки. Пульс мал и медленнее нормального. Голос часто бывает несоответственно возрасту тонок и с неприятным тембром. Глухонмота и различные тяжелые нервные припадки, особенно падучая, нередко дополняют картину.

В согласии с такими физическими свойствами находятся и душевные. Понимание детей и взрослых у такого типа бывает тугое и медленное, у некоторых опускающееся до слабоумия. Воображения нет никакого. Нравственные чувства низменны и оцепенели, ни к чему высокому и сильному эти люди неспособны. Тоска, веселость, гневливость одинаково чужды инертно-сонному внутреннему состоянию таких субъектов; господствующее в них свойство — лень.

При столь скудном запасе физических и духовных сил, лимфатики естественно бывают малоспособны к деятельности. В лучшем случае они до конца жизни прозябают малозначащими членами семьи и общества, но многие из них опускаются ниже. Имея склонность к праздности, эти отщепенцы чаще всего становятся бродягами, хватаются за физические возбуждения, приучаются к спиртным напиткам, рукоблудию, обжорству, картежной игре и пр., иногда совершают зверские преступления, причем расшевелить их совесть оказывается решительно невозможным; у них как будто отсутствует орган для различения добра и зла.*

Очерченный тип ленивого дитяти обуславливается природными данными известной личности, приурочивающими его к известной группе лиц. Улучшать этот тип — дело трудное, требующее многих хлопот и времени, так как с природой бороться нелегко. Главнейшие меры по отношению к ленивцу-флегматику будут состоять прежде всего в необходимости воспитания таких субъектов в обществе. Вне общественного воспитания, при семейном, флегматик неизбежно совсем обленится. Жизнь в обществе, сре-

* Характеристика лимфатиков заимствована из сочинения доктора Н.Л.Зеланда «Здоровье и счастье». Москва. 1895. Гл.XIV.

ди товарищей, есть первое условие к тому, чтобы флегматик не заснул: от товарищей он постоянно будет получать толчки и физические, и нравственные. Товарищи в покое не оставят, от них уйти и скрыться трудно. Нужно иметь много силы воли и быть постоянно настороже, чтобы соблюдать правило — сторониться от товарищей.

В год моего приготовления к экзаменам, — рассказывает Флери,* — мы, трое земляков, решили подготовиться вместе, непрерывно. Дело шло прекрасно, но едва только кто-либо из нас оставался в продолжение нескольких часов один, тем тотчас же начинала овладевать природная лень, и в его занятиях не было уже той энергии, он непрерывно подходил к окну, смотрел по сторонам, делал много совершенно ненужного или просто-напросто скучал. Ротозейничал — вот безусловно подходящее слово для определения подобной бездеятельности, которая неизбежно влекла за собою страшную скуку и которую мы нередко предпочитали часам бодрой работы.

Воспитатель должен быть бдительным по отношению к медленным и вялым детям

Настороже нужно быть воспитателям по отношению к медленным и вялым детям, чтобы они не сторонились товарищей, не чуждались их шумных игр, чтобы они не превращались лишь в зрителей происходящего. Медлители должны жить общей товарищескою жизнью и не отлынивать от игр и обычной товарищеской деятельности. Пустышника на народе разыгрывать нечего. Необходимо следить также, чтобы медлители все делали вовремя, чтобы они не мешкали, не отставали от товарищей, не задерживали ни общих занятий, ни общих развлечений. Их нужно учить попевать во всем вместе с другими. Им полезно задавать работы на срок, чтобы к известному времени работа непременно была готова, чтобы они не имели возможности совершать ее медленно, с отсрочками и едва-едва. Поспешай, не медли — вот основная заповедь воспитания таких детей. Для них вообще весьма полезен строгий порядок всего дня, так сказать, рамка, в которую должна укладываться их деятельность, так чтобы было заметно каждое промедление их в обычной работе.

Ухудшенная разновидность рассматриваемого типа — лимфатики — причинит еще больше хлопот педагогу. По отношению к ней на первом плане нужно поставить правильную гигиеническую обстановку. Дело идет о вырождающемся организме, с явными признаками упадка и разрушения. Здоровая и простая во всех отношениях жизнь и обстановка, посильные физические упражнения, достаточное, но не подавляющее количество впечатлений — вот

* Флери «Лень и ее лечение». Перев. С франц. Доктора Андреева. СПб 1901. С. 22.

что нужно детям этой категории. Рассчитывать на быстрые хорошие результаты в данном случае решительно невозможно. Собственно говоря, подобные организмы значительно могут улучшаться лишь в ряде поколений, так что известную воспитательную систему нужно распространить с отца на сына и с сына на внука — тогда только можно серьезно помочь организму справиться с своими природными недочетами. Понятно, насколько это трудно осуществить при смене воспитываемых и воспитывающих и при быстром общем изменении склада всей жизни.

Кроме ленивого настроения, порождаемого природными свойствами организма, общее понижение жизнедеятельности может возникать от угнетенности, от сурового отношения к детям, от заботности. Если дитя с младенчества находится в распоряжении суровой деспотической власти, если его много наказывают, слишком рано начинают учить и учат без внимания к его детским свойствам и потребностям, то дитя становится придавленным, боязливым, постоянно конфузится и в то же время проявляет самую малую деятельность: лишь бы оставили его в покое, не трогали, а оно, с своей стороны, все обязательные работы сделает, всю формалистику ученья выполнит, совсем не вкладывая в это дело души, не увлекаясь им, не любя его. Нужно, так нужно, я его сделаю, и затем не приставайте ко мне. Так рассуждает подобное дитя. Оно какое-то съезжившееся, застенчивое, держит себя всегда особняком, почти ни с кем не разговаривает, в перемены ни с кем не ходит, а выйдет из класса и сядет в зале возле дверей. Если его спросить, отчего оно постоянно сидит и никогда не пройдетя, оно как-то неловко встанет, сделает несколько шагов и лишь только заметит, что за ним не следят, снова возвращается на прежнее место. Кроме своих учебников, такое дитя ничего не читает, да и не находит интереса читать что-либо другое. На свои учебные занятия оно смотрит, как на необходимую тяжкую повинность, увернуться от которой нечего и думать. Любимого предмета у него нет, ни на каком уроке оно не чувствует себя смелее и оживленнее, даже уроки танцев — и те не увлекают дитя. (Портреты ленивых детей см. у Ельницкого: «Характеристики девочек». Вып. I, Спб. 1883; стр. 18—20; вып. II, 1887, стр. 49—51. Портрет бояливо-ленивой девочки см. у него же вып. I, стр. 60—65).

При ласковом обращении и сильной работе такие угнетенные дети мало-помалу сбрасывают с себя конфузливость и робость, деятельность их становится энергичнее, они делаются одушевленнее, живее, общительнее, начинают любить занятия некоторыми предметами и таким образом

мало-помалу, превращаются из ленивых и боязливых в более или менее деятельных и бодрых.

Кроме ленивых детей в таком широком смысле, есть ленивые в более ограниченном объеме, ленивые к какому-либо одному виду деятельности, именно — или к физической деятельности, или к умственной. Очевидно, это не полные, а односторонние ленивцы.

Лень движений мускульной деятельности собственно мало свойственна детям, отличающимся по самой своей природе подвижностью. Поэтому она у них возникает лишь в тех случаях, когда условия их жизни сложились как-либо неблагоприятно по отношению к физической деятельности. Эти условия могут быть довольно различны. Причиной физической лени часто служит телесная слабость и далее прямо болезненность дитяти, лишаящая его физической энергии и охоты к движениям, недочеты собственно в мускульной системе и аппарате движений, а иногда физическая лень вызывается изнеженным воспитанием, прививающим дитяте страх ко всяким телесным упражнениям как опасным, утомительным и бесплодным. Дети такого склада систематически и упорно уклоняются от шумных игр, гимнастики, прогулок, купания, спорта, простого бега; играть они не любят и не умеют и втянутые товарищами в игру играют холодно и безучастно. Про одну девочку такого типа наблюдатель заметил, что бегать и резвиться Ш. не привыкла и если во время невольной игры ей приходится переменить свою тихую походку на более живую и даже на бег, она стесняется и движения ее лишены свободы и развязности. Как только кончается игра, Ш. удаляется в уголок и садится за книгу. Вообще такие дети совсем не понимают прелести физической подвижности и не чувствуют в ней никакой потребности. Спокойно сидеть, еще лучше лежать и созерцать что-нибудь — вот их высшее наслаждение. Их духовная деятельность может быть также ослабленной, а может держаться и на довольно высоком уровне. При обращении с такого рода детьми нужно смотреть на причины их нерасположения к движениям и сообразно с этим поступать. Если дети физически слабы, скоро утомляются, не могут сравняться с сверстниками в физических упражнениях, то не следует и стремиться поставить их в один ряд с товарищами: у них нет для этого достаточно сил. Всякие физические упражнения нужно рекомендовать им в весьма умеренном числе и не доводить до утомления. Виды физических упражнений и спорта так разнообразны, что наверное найдется хотя один, который понравится им и увлечет их. Такой группой физических упражнений и нуж-

Изнеженное воспитание — причина лени

но будет воспользоваться, чтобы развить в них любовь если не ко всем физическим упражнениям, то, по крайней мере, к определенному виду их.

Что касается таких детей, у которых лень движений имеет своей причиной изнеженное воспитание, а не недостаток физических сил, то следует, прежде всего, позаботиться об устранении предубеждения их против физических упражнений, против боязни их, следует дать детям понять на деле прелесть этих упражнений, что они служат для молодых организмов источником счастья и наслаждения. Самое лучшее средство для этого — жизнь в обществе товарищей, пример которых рано или поздно подействует заразительно и на лентяя и увлечет его к общим шумным играм и забавам. Конечно, в поощрении таких детей к физической деятельности полезно соблюсти известную постепенность и осторожность.

Изнеживающее воспитание может принять одно частное направление — закармливание дитяти сладкой вкусной пищей, слишком частого угощения его всякими яствами и питиями. Переполненный желудок требует покоя — нет человека, который не терял бы энергии после хорошего обеда. Все силы человека в период усиленного пищеварения сосредотачиваются на деятельности желудка, и на другие потребности их остается очень мало. Частое переполнение желудка неизбежно повлечет понижение жизненной энергии и деятельности. Парализующее влияние переполненного желудка на деятельность особенно ясно выражается у обжор, которые, проглотив громадное количество пищи, валяются несколько дней, будучи не в состоянии ни к какой другой деятельности, кроме переваривания пищи.

Лень движений и развитая умственная деятельность

Иногда лень движений при физической слабости вызывается еще дополнительной причиной — сильно развитой умственной деятельностью, стремлением быть первым в классе и, вследствие этого, высокомерным, пренебрежительным отношением к телесным упражнениям. Что такое телесные упражнения? Пустяки, за них баллов не ставят, а твердое знание уроков прямо ведет к видному месту в списке. Одна девочка 12 лет, довольно высокого роста, слабого телосложения, выделялась в школе из среды своих подруг недетскою серьезностью, желанием казаться солидной, взрослой. Благодаря своим хорошим способностям, твердой памяти, она училась очень хорошо и считалась первой ученицей в классе. По умственному развитию она намного опередила своих подруг, читала много и охотно, причем детские журналы, назначенные для детей ее возраста, ее уже не удовлетворяли. С одноклассницами

она держала себя с тактом взрослой девицы, была дружна только с одной или с двумя, стоящими в числе первых по учению, мечтала о путешествиях и т. п. Считая себя взрослой, она во время перемен с книгой в руках важно прогуливалась по коридору, или же внушительно разговаривала с кем-нибудь из лучших учениц своего или старшего класса. «Отчего это вы никогда не играете?» — спросила ее однажды ученица старшего класса. — «Очень мне нужно это ребячество!.. Да и само-то беганье из угла в угол вовсе не интересно. К тому же этот шум так надоедает, что, право, скорее делается скучно, чем весело от их игр», — отвечала серьезная девочка.*

Очевидно таким подросткам необходимо разъяснить, что каждый человек *обязан* быть по возможности не хилым, а сильным, должен принимать к тому соответствующие меры, в виде участия в играх, гимнастике, не обременять себя постоянным чтением, что односторонний продолжительный перевес умственных занятий над физическими упражнениями может повести в конце концов к ослаблению первых.

Лень мышления

Другой односторонний вид лени — лень мышления. В семьях и особенно в школах этот вид лени встречается гораздо чаще, чем лень движений. По убеждению некоторых учителей, школы кишмя кишат ленивыми именно по отношению к мышлению, к умственным занятиям. И действительно, отроков и юношей, старающихся заниматься как можно меньше, видящих в занятиях неизбежное зло, в школах очень много. Где причина такого явления? Дети — по своей природе деятельные существа, таковы же они и в умственном отношении. Дети, отроки, юноши весьма любознательны, они жаждут знаний и умственной работы и в пределах им доступного, посильного обнаруживают живое мышление, живой интерес к самым разнообразным предметам. Откуда же в них может взяться лень мышления? Очевидно, если она не обуславливается слабостью и вялостью организма, мешающей человеку проявить энергию в каком бы то ни было отношении, что она недостаток не естественный, а искусственный, создаваемый неправильностями воспитания ума в семье и школе. Так оно действительно есть и на самом деле. Главнейшая причина лени мышления у учащихся заключается в постановке воспитания ума, семейной и школьной, не отвечающей естественному ходу развития детского мышления, его естественным запросам и потребностям. Вкратце мы сейчас это объясним.

*Ельницкий, «Характеристики девочек». 2-й вып. С. 61–63. Ср. в том же выпуске С. 52–56.

Полный акт мышления складывается из трех моментов: а) раздражения чувственного нерва и ощущения; б) переработки полученного ощущения, его выяснения и определения и в) выражения внутренней работы вовне. Эта схема мышления есть вместе и схема всей психической жизни вообще. Присматриваясь к этой схеме, сопоставляя ее с действительным ходом мышления у детей и взрослых, мы замечаем следующий факт: у детей наиболее отчетливо выражаются первый и последний моменты мыслительного процесса, они преобладают над средним моментом; у взрослых же, напротив, преобладает второй момент, первый же и последний выражаются сравнительно слабо. Рассмотрим это отличие несколько подробнее.

Нет нужды в каких-либо тонких и обширных наблюдениях, чтобы видеть, что дети страстно отдаются деятельности органов внешних чувств. Рассматривать что-либо, вслушиваться, брать в руки и ощупывать предмет, пробовать на вкус и обоняние — это великое наслаждение для детей. Где обилие раздражений, где много предметов, возбуждающих различные органы, там и дети. Уедините дитя от впечатлений, посадите его в пустую комнату, где его чувства не будут заняты, и вы наверно нагоните на дитя большую скуку, оно не будет знать, что делать, чем занять себя и от скуки и бездеятельности будет готово на всякую шалость.

С другой стороны, каждое полученное ребенком впечатление сейчас же просится наружу, сейчас же сказывается чем-либо вовне. Утаить впечатление, скрыть в глубине своей души какой-нибудь факт, а тем более поразивший его, дитя не в состоянии.

Дитя живет открыто, у него впечатления рефлексивно отражаются в поступках. Расскажите дитяте что-нибудь, и оно сейчас же первым делом передает ваш рассказ брату, сестре, каждому встречному и поперечному; покажите ему интересную картинку, зрелище клоунов — и дитя без умолку, без конца будет говорить о них и даже само будет представлять. Прилив впечатлений у детей связан неразрывно с отливом, т.е. с деятельностью вовне. Таков детский ум, таково детское мышление: воспринимать и сейчас же отдавать, ощупать и говорить, двигаться.

В каком положении у детей средний, второй, момент мыслительного процесса?

Он выражен у детей слабо, потому что для него в детской жизни нет еще необходимых условий. Для выполнения этого момента необходим значительный и систематизированный запас представлений и понятий. Когда мы перерабатываем какое-либо ощущение, обдумываем какой-либо

вопрос, что мы делаем? Мы следим за вереницами разнообразных представлений, проходящих в нашем сознании, мы ставим в некоторые соотношения сейчас возникшее представление с прежними, мы из массы представлений выбираем такие, которые по своему содержанию отвечают вновь приобретенному представлению. У детей нет еще большого запаса представлений, а имеющиеся недостаточно хорошо распределены в группы и ряды, вследствие чего дитя мало способно погружаться в переработку полученного ощущения. Если прибавить к этому другие частные недостатки детского мышления, именно, несовершенное, очень неполное развитие главнейших представлений и понятий, требующихся в каждом акте мышления, как-то представления о времени и пространстве, понятие и причинной связи явлений, законосообразности событий внешней и внутренней природы, то будет понятно, почему дети так редко задумываются. Встретить дитя, погружившееся в думу, нелегко, как легко, напротив, встретить дитя, погружившееся в игру, в рассматривание картинок, прислушивающееся к звукам, и т.п. Лишь только дитя начнет задумываться, т.е. по поводу данного ощущения воспроизводит ряды прежде полученных представлений, как его мысль, за незначительным количеством представлений и их несистематичностью, сейчас же обрывается и дальнейшее размышление становится невозможным. Волей-неволей дитя должно от воспроизводимого мира — мира представлений — вернуться в мир ощущений, действительных предметов, чтобы здесь, в этой отчужденности всякого мышления и знания, почерпнуть новые возбуждения и силы для мыслительной деятельности. Таким образом дитя постоянно переходит из сферы мышления в тесном смысле слова в сферу ощущений и творческой внешней деятельности: здесь ему все доступно, ему здесь легко, оно здесь у себя дома.

Сравнивая с этими особенностями детского мышления мышление взрослого, мы поражаемся преобладанием в мышлении взрослого второго момента. Несомненно, что источник мышлений взрослого — деятельность органов внешних чувств, несомненно, что и мышление взрослого отображается вовне, в каких-либо внешних фактах, но эти моменты далеко не имеют у взрослого такого значения, какое имеют у детей. Взрослый работает своим умом наиболее не тогда, когда он получает много впечатлений на различные органы, или когда он внутренний факт выражает вовне; он наиболее работает, когда полученное сейчас представление старается выяснить и определить сопоставлением его с прежде полученными, приурочить его к опреде-

ленной группе душевных фактов, разложить его умственным анализом на составные элементы. Желая поразмыслить, обдумать вопрос, взрослый старается уединить себя от внешних впечатлений, быть физически совершенно спокойным, ничего не видеть и не слышать. Когда взрослый мыслит, он глух, слеп и нем; когда мыслит дитя, оно все слух, зрение, движение и болтовня. Взрослый во время своих умственных работ как раз не любит то, что так страстно любит дитя.

Результаты своих умственных работ взрослый не сейчас выражает вовне. Иногда проходят не только месяцы, но и целые года между началом работы и ее выражением вовне: результаты задерживаются, оставаясь внутренним душевным фактом, а не превращаясь во внешний. Настоящий мыслитель думает долго и много, а говорит и пишет мало; семь раз обдумает, а один раз скажет. Дети держатся совершенно противоположного порядка.

Дальнейшее развитие детского мышления состоит в том, что второй момент — переработка — постепенно усиливается, а два крайние момента ослабляются. Нарастание силы среднего момента совершается с большей медленностью и постепенностью.

Представленные замечания о развитии мышления в различные воспитательные периоды и об особенностях детского мышления по сравнению с мышлением взрослого показывают, как в общем начинается и формируется настоящий полный тип мышления, как постоянно его развитие опирается на возрастающий исподволь запас представлений, приобретаемый путем энергичной деятельности органов внешних чувств. Нарушить этот естественный порядок формирования мышления очень легко, — стоит только остаться недовольным медленностью развития мыслительного процесса и принять меры к искусственному его ускорению. Можно и совсем не обратить внимание на особенности детского мышления, или, попросту, не быть знакомым с ними и сразу требовать от детей и отроков переработки впечатлений, деятельности среднего момента мышления. Так обыкновенно и бывает в семьях при подготовке к школьным занятиям и в школах. Обучение и по содержанию, и по методу отличается, как известно, крайне отвлеченным характером, заключается в устранении детей от обычных естественных впечатлений на органы их внешних чувств и в выучивании различных учебников. В средних школах языки и грамматики, со включением арифметики, подавляют все другие предметы. Запроса на детскую наблюдательность совсем нет, дети отделены от природы и заключены в искусственную среду.

Леность мышления не свойственна малому ребенку

Каков результат такой постановки обучения? Леность мышления, столь несвойственная воспитательным возрастам. От учащихся требуют того, чего они дать не могут: от них требуют отвлеченного мышления, а они способны только к мышлению при посредстве наблюдений внешними чувствами; от них требуют, чтобы они набирались знаниями и затаивали их в себе, сохраняя на будущее время, а дети желают сейчас же изобразить вовне полученное впечатление. Будучи не в состоянии дать требуемое, дети заменяют мышление памятью: вместо того, чтобы понимать, они выучивают, вместо ясных понятий довольствуются словами с кое-каким приблизительным пониманием смысла их, часто весьма неверным и во всяком случае неотчетливым. Наконец, они прямо отказываются следовать за учителем в область отвлеченного и общего мышления, плохо слушая его объяснения, плохо понимая их и не приготовляя заданных уроков. Они объявляются лентяями. На самом деле они не лентяи, леность искусственно привита им несоответствием обучения естественному развитию и особенностям их мышления. Они несколько не виноваты в лености. А прожив несколько лет в таком положении, увлекаемые постоянно в область, в которой они мало понимают и вынуждены пребывать в полумраке, они не приучаются к серьезному мышлению, представляют его чем-то чрезвычайно трудным и малодоступным. Естественный ход развития мышления у них нарушен настойчивыми усилиями сделать из них умственных скороспелок, занимать их отвлеченными предметами тогда, когда они к этому неспособны. У них является нерасположение к мышлению, боязнь его и они начинают отказываться от мышления даже и тогда, когда оно на самом деле возможно для них, посылно. В этих последних случаях они оказываются настоящими лентяями, но только в своем пороке не виноваты. Их сделали лентяями, их сбили с правильного пути развития мышления, а сами по себе учащиеся всех возрастов весьма любознательные существа, весьма склонные к мышлению — посылному — и интересующиеся всем.

Следует соотносить возможности ребенка к обучению

Несоответствие характера школьного обучения требованиям детского возраста и свойствам детского мышления с особенною ясностью сказываются на детях очень живых, подвижных, здоровых, с быстро изменяющимся вниманием. Им до всего дело, они хотят все видеть и слышать, их глаза, рот, руки, ноги в непрерывном движении. Учатся они обыкновенно плохо, потому что не могут сосредоточить свое внимание на уроке, вследствие его отвлеченности. Сначала они слушают внимательно, но вскоре начинают

развлекаться, думать о другом и, несмотря на все усилия, никак не могут сладить с собой. Уроки им кажутся слишком длинными, на вечерних домашних занятиях они перекакивают от одного предмета к другому, от грамматического разбора к арифметике, от арифметики к истории. Все начинается и бросается недоделанным или сделанным кое-как. А между тем такие дети много хлопочут, волнуются, суетятся, как будто стараются сделать. Особенно они слабы бывают в математике, в которой «ничего не понимают». Историю любят больше, лучше в ней успевают, хотя хронология и историческая география обретаются у них не в авантаж. Всякие повторения кажутся скучными. «Отчего вы, Веретьева, не посидите спокойно во время урока русского языка?» — спрашивает, надзирательница. — «Да что, скука смертная! Вечно одно и то же. Вот хоть о том, как писать числительные пятнадцать да двадцать — нам твердят Бог знает с которых пор. Просто, тоска!» При этом она облакачивается на стол, опускает голову на руки и точно старается выразить, какая тоска ее сокрушает от писания числительных. Зато если урок разнообразен, идет занимательно, оживленно и, притом, если содержание его совершенно доступно, то такие живые дети очень интересуются им, сосредоточенно воспринимают его и при каждом вопросе вскакивают и даже машут рукой перед самым носом учителя.

Иногда несоответствие характера обучения свойствам детского мышления и личности, продолжаясь довольно значительное время, в корне потребляет интерес к умственным занятиям, делает ум вялым, ленивым, а личность учащегося в учебных делах совершенно апатичной. У такого учащегося нет любимого учебного предмета, он с одинаковым равнодушием относится ко всем, ему все равно, какой бы урок ни шел. Читать такой субъект не любит: если ему попадет под руку какая-либо книга, то, пробежав два-три листка, он бросает ее, говоря, что нет терпения дождаться до конца. Если его спросят о заданных уроках, то он непременно солжет, сократив их наполовину. Но при этом наблюдается, что дитя вне школы, вне своих школьных дел и обязанностей, очень живо, подвижно, шаловливо, лишь в школе вяло, апатично, крайне лениво, готово на все, готово делать, что угодно, лишь бы не учиться. Получаются две разные личности, соединенные в одном человеке: личность дома и личность в семье, которых и узнать нельзя, как одну и ту же личность: до того они различны.

Иногда лень мышления, и весьма значительная, бывает лишь временным явлением и возникает под влиянием переходного состояния организма, когда из девочки

Лень мышления может быть временным явлением

формируется девушка, а из мальчика — юноша. Этот перелом выражается большою ленью мышления. «Когда я училась в прогимназии (до 11-го года, а на 11-м году поступила в гимназию), у меня никогда не было двоек и единиц, а теперь все двойки да двойки. Прежде я училась прилежно, а теперь придя домой, сяду учить урок — и не могу». Это говорила про себя двенадцатилетняя девочка, способная, обладавшая всеми условиями к тому, чтобы быть хорошей ученицей, но вот около года, как она стала крайне неохотно, даже с отвращением относиться к учению и вообще к умственной работе, вследствие чего попала в число худших учениц класса. Она предпочитает шалить, играть и даже просто сидеть сложа руки, чем учить уроки. Если ей сделают выговор за неприготовленность урока, то она отговаривается тем, что «учила, учила и никак не могла выучить»; или «я все это время занималась арифметикой, и потому не успела приготовить урока». Если, несмотря на все ее отговорки ее насильно заставляют чем-либо заняться, она обнаруживает невнимательность и старается как можно скорее отделаться. Дурные отметки на нее мало действуют и, по ее убеждению, в период гимназических занятий «без двоек нельзя» учиться. Между тем эта девочка весьма живая шалунья, способная на всякие проделки. В пансионе при гимназии, в котором она жила, с нею не могли сладить: ни просьбы, ни увещания, ни наказания — ничто на нее не действовало. В гимназии она тоже шалила, но осторожно и умела не попадаться, а если попадалась, то старалась вывернуться.*

С этой, хотя временной, но действительно ленью не следует смешивать мнимую лень, которая есть собственно малоуспешность, обуславливающаяся слабыми способностями и неумением учиться, незнанием техники приготовления уроков, дети с такими свойствами в школах нередко считаются ленивыми, хотя на самом деле они могут быть весьма старательными и трудолюбивыми, делать постоянно весьма большие напряжения, чтобы добиться и тех успехов, которые они обнаруживают. Они просто не умеют взяться за дело и без толка тратят свои силы, школа же не помогает им, не старается дать себе отчет в таких детях и просто сваливает их в кучу ленивых. Так школе легче, но детям труднее.**

* Ельницкий, «Характеристики девочек». Вып. 1, С. 32—34. См. еще портреты девочек, ленивых мыслить, I вып. С. 8—17; II вып. С. 7—9, 10—13, 38—41.

** О мнимоленивой см. у Ельницкого вып I, С. 35—39.

Лень преодолевает умственное воспитание, сообразное с естественным ходом развития

Чтобы нанести решительный удар лени к мышлению, нужно все умственное воспитание и образование дитя поставить сообразно с естественным ходом его развития. Развивать правильно детский ум, не развивая органов внешних чувств, не уча наблюдать и постепенно обобщать наблюдаемое невозможно; строить умственное развитие на книгах и грамматиках — значит извращать естественный ход дела. Поэтому, наши дети и мы сами суть более выдрессированные, чем воспитанные и образованные существа, с нами проделали и с нашими детьми проделывают какой-то педагогический фокус, блестящий и заманчивый с виду, но весьма грубый и неразумный по существу. Всевозможные наблюдения природы, собиранье всяких интересных предметов, попадающихся в саду, на прогулке, самодельные музеи и коллекции, изготовление простейших физических приборов и простейшие опыты с ними, рассказы и чтение из области природы в соединении с ежедневными прогулками и частыми экскурсиями — вот основа первоначального развития детского ума и в семье, и в школе. Побольше наглядного фактического материала, побольше сравнений и сопоставлений этого материала, строгая постепенность и фактическая основательность в выводах и обобщениях — таковы задачи и приемы при правильном умственном образовании, соответствующем естественному ходу развития детского ума. И это еще не все.

Полученные знания дети, согласно своей природе, стремятся сейчас же отобразить вовне. Поэтому вторая большая ветвь первоначальных умственных упражнений детей — ручной труд в самом широком виде и в связи с теоретическими занятиями: частое рисование, раскрашивание рисунков, лепка из глины и воска, разнообразные картонажные работы, поделки из дерева и всякие другие ручные работы. Они совершенно необходимы для правильного развития детского ума и притом в самом широком виде, а не в виде отдыха и развлечений. Дитя без внешней ручной работы карандашом, глиной, ножом не может развиваться. Время книг и грамматик придет после, не с них нужно начинать, не они должны составить основу развития детского ума.

Необходимо побуждение сильной самостоятельности детского ума

Третье существенное условие правильного развития детского ума — пробуждение сильной самостоятельности детского мышления. Каждую работу можно сделать интересной, давая возможность и средства развивать на этой работе ряд мыслительных процессов и чувствований, вкладывая в нее часть своего я <...>. Работа будет дорога каждому, если он чувствует, что он живет с этой работой, воз-

буждается и освежается, что работа не что-то мертвое, навязанное, стороннее, а живое дело, волнующее, укрепляющее. Чтобы так поставить работу, чтобы не угашать ею божью искру любознательности, присущую каждому здоровому дитяте, а раздувать ее в яркое пламя, для этого необходимо выполнить вышеуказанные требования относительно содержания работы, а в самом процессе ее наблюдать, чтобы дитя не спало во время ее, не дремало, не относилось к делу холодно и равнодушно, а жило работой, волновалось ею, вкладывало в нее часть своего я. Самое большое зло — это заявление дитяти, что ему все равно, какие занятия ни будут, что любимых предметов у него нет, что ученье — одна скука и тоска. Тогда, кроме вынужденных упражнений памяти, мы ничего не получим и дитя будет постоянно стремиться уменьшить эту скучную работу, т.е. будет весьма недвусмысленно обнаруживать лень.

Самодеятельное посильное отношение к работе, чувствование жизни в ней, полная умственная бодрость и энергия вполне возможны и у детей при занятиях самыми обычными предметами вроде счисления, чтения и т.п. Вот, что говорит одна учительница народной школы о детях, которых она обучала:* «Арифметику старшие знали хорошо по старине — мертвые цифры; я сделала три примера, объяснила суть задач, и они теперь у меня квадратные и кубические меры валяют! Да еще просят не помогать, *сами хотят добиться!* Сознательное письмо и чтение им при предшественнике было неведомо, теперь идет! *Ужасно их прельщает самодеятельность*, которую я старательно принимаю к ним. Прежде учились битые, в слезах, а теперь *в смехе, песнях и воле*»...

Необходимо сформулировать положительное отношение к ученью и умственным упражнениям

За правильной постановкой умственных упражнений особенно нужно наблюдать в семье и в первые годы жизни в школе, потому что в это время и складывается то или иное отношение учащихся к занятиям. Навыки и взгляды на дело, приобретенные в ранние годы, с трудом уступают свое место другим, создаваемым новыми взглядами в позднейшее время. Если же дело обучения поставить как живое деятельное упражнение, возбуждающее, а не навязывающее дремоту, то вместе с этим будет отнята самая почва у лени и у большинства, относительно лени к мышлению, придется иметь в виду лишь естественную склонность каждого к приобретению больших удовольствий наименьшим трудом, что не составит значительного затруднения для разумного педагога. Лень же, имеющая своей причи-

* «Из жизни школьной учительницы». «Мир Божий». 1903 г. № 3 Март.

ной переходное время организма или общую слабость сил данного лица, очевидно, должна быть побуждаема соответственными мерами преимущественно гигиенического свойства.

Так как борьба с ленью предполагает стремление привить данной личности свойство совершенно противоположное — склонность к бодрой систематической работе, то было бы неблагоприятно употребление крутых и спешных мер. Нужно действовать исподволь, медленно, не утомляя и не вынуждая субъекта. Труд, рекомендуемый лентяю, должен быть не обременителен, не вызывать значительного чувства усталости и усилий: пусть он будет не велик, но совершенно правилен. Строгая правильность — великое дело. Наш мозг работает в значительной степени автоматически, и регулярная работа непременно в известное время мало-помалу становится потребностью, привычкой, неудовлетворение которой вызывает неудовольствие. Кровь сама приливает к мозгу и требует деятельности.

Лентяй избегает труда

Нужно заметить, что лентяи как в области мышления, так и в области телесных движений нередко отличаются враждой именно к правильному труду. Они способны к проявлению большой энергии, к громадным усилиям на короткое время, но систематически труд им противен. Они ждут вдохновения, ждут случая; ленивый школьник ждет времени экзаменов, чтобы за их краткий период наверстать потерянное в течение целого года для умственных занятий. Таким ленивцам, способным лишь на труд взрывами, а не на постоянную правильную работу, необходимо прежде всего разъяснить неплототворность их способа работы. Результаты от работ вспышками бывают не особенно значительные, а между тем, сил в это короткое время работы расходуется очень много. Люди, сделавшие наиболее, оставившие по себе наиболее значительные духовные памятники, обыкновенно работают правильно. Гете, Дарвин, Гюго и многие им подобные — ежедневные аккуратные труженики. Особенно ясно видна недостаточность работы вспышками на физическом труде. Нужно строить дом. Если рабочие будут придерживаться в работе теории вдохновения и наверстывания потерянного времени спешной работой, то когда же дом будет готов и как он будет построен? А ведь и всякая умственная работа подобна постройке дома. Для таких-то лиц особенно важно, чтобы правильная ежедневная работа была необременительна и непременно совершалась в известное время.

Когда, на какую часть дня, должно падать это известное время? Некоторые предпочитают работать по утрам, а неко-

торые по вечерам, некоторые при свете солнца, а другие при свете лампы. Учащимся необходимо приучаться работать главным образом утром и днем. Для этого нужно раньше ложиться спать и раньше вставать. В общем, кажется, нужно признать, что все же ум лучше работает утром: освеженные продолжительным ночным отдыхом, мы охотнее и легче, с обновленными силами, принимаемся за работу, чем несколько истощенные дневными впечатлениями. Работа вечером несколько искусственна, она совершается как будто под влиянием какого-то ненормального возбуждения. Во всяком случае, взрослые могут работать, когда им кажется удобнее время и производительнее работа, они только непременно должны совершать известное количество работы и в определенное время.

Наконец, нужно тщательно наблюдать за тем, чтобы перед началом работы не получалось каких-либо сторонних отвлекающих впечатлений. Многие знают по собственному опыту, что просмотреть утром перед работой газету, прочесть несколько страниц романа, выдержать живой разговор по какому-либо стороннему интересному вопросу значит сделать бесплодным для работы все утро, мысль постоянно будет отвлекаться от надлежащей дороги в сторону живого полученного впечатления. Поэтому весьма важное условие умственной гигиены — перед работой не допускать никаких сторонних, отвлекающих ум, впечатлений.

IV. Лень как болезнь личная и общественная

Лень — болезнь души и тела. Лень личная и общественная

Очерченные виды лени не представляют собой чего-либо болезненного, вынуждающего обращаться к врачу или психиатру. Источник лени, как мы видели, совершенно естественен — некоторая склонность человека к пассивности, к наименьшей деятельности. При некоторых условиях, — слабости физических сил, недочетах в семейном и школьном воспитании, — эта склонность может усилиться, и тогда возникнет лень, как общее состояние или какой-либо частный вид ее. Против лени можно бороться, потому что она имеет в организме и естественный противовес — склонность всех органов к деятельности, то обстоятельство, что органы могут быть здоровы лишь при известной работе. Но лень может быть и болезнью, именно когда она соединяется с безволием.

Обломов — символ сна, застоя, неподвижности...

Выше было указано, что лень может соединяться с безволием, а может и не соединяться. Лень как недостаток, с которым педагог может и должен бороться, есть лень, не соединенная с безволием и о такой лени у нас до сих пор была речь. Когда же лень соединяется с безволием, тогда положение дела значительно затрудняется и педагогу придется призвать себе на помощь психиатра, потому что сильное безволие есть душевная болезнь. Такая болезнь поражает и отдельные лица, и целые общества, и даже народы. Прекрасный образец подобной болезни нарисован Гончаровым в Обломове.

Этот роман есть трактат о происхождении, развитии, источниках и проявлениях лени. В основе романа лежит чисто логическое построение, облеченное в соответствующие художественные образы. Художник, по его собственным словам, задался целью изобразить в Обломове «воплощение сна, застоя, неподвижной, мертвой жизни, переползание изо дня в день в одном лице и в его обстановке»; он изображал «лень и апатию во всей ее широте и закоренелости, как стихийную русскую черту»; «Обломов был цельным, ничем не разбавленным, выражением массы покоившейся в долгом и непробудном сне и застое».*

Обломов, несомненно, больной человек. Это человек счет, неглупый, с тонким чувством, чистой младенческой душой, с хорошим аппетитом, но с параличом воли, закончившимся параличом тела. Лень, пышно расцветшая на почве крепостного труда, избавлявшего барина от всяких забот и хлопот, соединилась у него с сильным безволием и лишила его всякой деятельности, телесной и духовной: он только мечтал, строил планы и ничего не делал для их осуществления. Его обирали грубейшим образом, им нахально помыкали — он все хорошо понимал и не мог стряхнуть прилипшей к нему грязи, только в редкие и короткие моменты проявляя некоторую энергию, он видел, что со своим аппетитом и постоянным лежанием идет навстречу параличу и ничего не предпринимал против такого положения. Душевная болезнь — безволие — соединилась у него с ленью к движениям и мышлению и от такого соединения получился классический увалень.

В русской жизни Обломовы встречались и встречаются нередко. Сам Гончаров сообщает, что и критика и публика находили его изображение лени правильным, соответствующим действительности: «Почти все мои знакомые на каждом шагу, смеясь, говорили мне, по выходе книги в свет, что они узнают в этом герое себя и своих знакомых».

* Гончаров, Сочинения изд. Глазунова, Сиб. 1884, т. 8. — С. 241—242, 244, 247

И следует помнить, что Гончаров, рисуя Обломова, имеет в виду не изображение лени отдельных лиц или классов, а лень и апатию, как стихийную русскую черту, Обломов был «выражением массы, покоившейся в долгом и непробудном сне и застое».

Такой смысл Обломова правилен, изображение верно отразило действительность. Можно утверждать, что не только личности, но и целые народы неодинаково предрасположены к лени (в ее соединении с безволием). Обломов в Америке и Англии невозможен и непонятен, там он может рассматриваться только или как страдающий странную и редкою формою болезни, или как грубая, далеко перешедшая границы, карикатура, малопонятная и неостроумная; там Обломов будет чужд всем. В России же он весьма близок разным общественным слоям, родной по духу и плоти весьма многим, всем понятен, не как маньяк, а как обленившийся помещик и залежавшийся человек. Обломов многим русским может казаться даже не больным, а просто лентяем. Зато для нас, наоборот, мало понятен какой-нибудь американский деятель, который не знает удержки своей деятельности, по-видимому никогда не отдыхает, имея хорошие средства, напряженно работает, несколько раз разоряется и снова обогащается, из бедного фермера превращается в президента великой республики, а потом, оставив эту должность, оканчивает свои дни скромным адвокатом. В самой природе и условиях общественной жизни отдельных лиц и целых народов, в органических наследственных предрасположениях и общественно-государственном строе у одних местностей и народов заложено больше основ и склонности к лени, а у других меньше.

Значение личной инициативы

Частная инициатива и общественный почин могут быть допускаемы больше или меньше в общественно-политической жизни. Чем меньше, тем круг деятельности личности становится теснее, многие виды и формы труда отсутствуют, отдельная личность оказывается сдавленной. Она устремляется тогда на открытое ей поприще личных эгоистических интересов, на преследование своих частных целей и таким образом живет неполною, одностороннею жизнью, именно много личною и мало общественною. Если, затем, и такая личная деятельность обставляется препятствиями и ограничениями, если на все, на каждый шаг, на каждое задуманное предприятие приходится испрашивать, а иногда добиваться, вымаливать разрешения, если во всем административная волокита, то инициатива, энергия, встречая мало случаев приложения и постоянные препятствия, понижается, падает, но зато высоко поднимается упование на всепроникающую правительственную

опеку. Случится ли голод или мор — упование прежде всего возлагается на правительство, а не на собственную деятельность. Начальство все усмотрит, вовремя предпримет всякие меры, а гражданам остается лишь беспрекословно слушаться и дремать. Народ может жить подобною жизнью долго, у него сложится своеобразная история, образуется соответствующий характер, окрепнут опекающие учреждения. Ему на каждом шагу будут твердить, что высшая добродетель гражданина — безусловное послушание, а о личной и общественной инициативе и не заикнутся. При недостатке образования и материальной обеспеченности, такой народ неизбежно делается безвольно-ленивым и меланхоличным, с склонностью к суевериям и мистицизму. Алкоголизм, несомненно, будет его видным недостатком, так как удовольствия алкоголя, удовольствия чисто пассивные: выпил несколько рюмок водки — и вот, не выходя из кабака, увидишь, как небо разверзается над тобою, море становится по колени, какие-то новые чувствования появляются, и веселые и грустные, можно и поплакать и посмеяться. И все это от нескольких рюмок водки! Очень удобно, не нужно никуда идти дальше кабака, не нужно делать никаких усилий, сиди и грезь.

Конечно, от подобного народа и всей его истории будет веять затхлостью, застоем, плесенью, народ будет не столько действительно жить, сколько дремать, сопеть, спать и пить водку, доставляя государству от водки громадный доход. Такие порядки, такой дух, такие начала окажут гнетущее, удручающее влияние на отдельную личность, энергическую и предприимчивую, она найдет вокруг себя не просто дурной пример лени и бездеятельности, но прямое препятствие и задержку своей энергии, тогда не только не будет места и случая для приложения предприимчивости и энергии, но встретится решительное подавление и искоренение этих качеств. Предприимчивый и энергичный человек в такой среде скоро окажется не у дел, лишним, нарушающим установленный порядок, бунтарем — он бодрый деятель среди сонных лентяев; он будет подобен камню, брошенному в стоячую живую воду: появится несколько кругов на воде, вскочит несколько пузырей, население болота на минуту закопошится, но затем скоро все примет прежний вид, скоро вновь настанут тишь да гладь, а самый камень потонет в болоте и будет спокойно лежать на его дне, заносимый грязью и илом.

Но если Гончаров был прав в своем Обломове, верно изобразив в нем «стихийную русскую черту», то не окажется ли весь русский народ больным — безвольною ленью? Гончаров был прав, но с ограничениями: его произведение, как

художественная картина, выпукло рисует известное свойство, которое найти в том самом виде, в такой же степени и силе у многих, конечно, было трудно. Узнавать себя и своих знакомых в Обломове, конечно, не значило признавать в себе и в своих знакомых изображенное свойство в той же самой мере, т.е. решительное безволие и полную лень. Затем, и во время писания романа, и раньше и позже его, на Руси была масса народа, которому было не до лени и безволия, который по необходимости должен, был проявлять и волю, и деятельность, иначе умер бы с голоду. Хорошо было помещику Обломову лежать на боку, да горевать об уменьшении дохода с крепостных, но этим самым крепостным пребывать в полной бездеятельности и не зарабатывать себе и семье на хлеб и на оброк барину было невозможно, нужно было во что бы то ни стало трудиться. Конечно, и они, по мере возможности, как русские люди, могли прилениваться и приленивались. Наконец, в настоящее время Обломов, если далеко не всецело, то в значительной степени есть уже достояние истории. Ныне на Руси несколько иные порядки и идет несколько иная жизнь, хотя и обломовщины осталось еще весьма достаточно, — гораздо больше, чем желательно и достойно могущественного народа. А вместе с тем мы должны признать, что русскому педагогу еще долго придется возиться с ленью во всех ее видах и проявлениях, потому что почва-то для ее возникновения и развития слишком долгое время и слишком тщательно подготавливалась историей государства российского.

Каптерев П.Ф. О лени //Русская школа. — 1903. — № 4. — С. 92—114.

Русскому педагогу предстоит еще
долго возиться с ленью

творчество